

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Грузева*

Володарская, Ольга.

В68 Наш грешный мир / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Никаких запретных тем! Остросюжетная проза О.Володарской).

ISBN 978-5-04-102661-5

Благополучная жена адвоката и мать очаровательных близнецов Анна Моисеева. Светская львица, прожигательница жизни и убежденная холостячка Ева Шаховская. Ученая дама, серая мышка Мария Корчагина. Наследница огромного состояния, невезучая в любви Катерина Бердник...

Эти женщины были очень разными и вряд ли встретились бы. Но они узнали друг о друге, когда оказалось, что все они имеют отношение к утерянной сто пятьдесят лет назад венчальной диадеме дома Романовых. Стоила она баснословно дорого, разыскивалась многими, а того, кто больше остальных жаждал ее заполучить, убили! Но поиски продолжились...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102661-5

© Володарская О., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Все персонажи и события этой книги
вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

Часть первая

«ЗАГАДОЧНЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ»

Катерина

Она смотрела на свое отражение и не понимала, почему в зеркале видит грустную, побитую жизнью тетку. Если бы не крупные бриллианты в ушах, Катерину можно было бы принять за кассира из социального супермаркета или вагонновожатую. Еще не старую, довольно привлекательную, но уставшую от безденежья и невзгод.

Катерина встряхнулась. Вытянула шею, которая, если за ней не следить, собиралась складками, чуть повернула лицо. Оно было широким, но в полупрофиль смотрелось прекрасно из-за четких скул. Приняв свою «рабочую позу» (она фотографировалась только так), растянула губы в улыбке. Лучше. И все равно недостаточно хорошо — глаза тусклые. Катя потянулась к пузырьку с искусственными слезами, но тут же убрала руку. Каплями тут не поможешь. У женщины глаза горят, когда она влюблена, а сердце Катерины Бердник, увы, было свободно.

В дверь постучали.

— Кто? — крикнула она.

— Я, — ответили ей. — Меня впустила Лидия... — Так звали горничную Катерины. Кроме нее и самой хозяйки в квартире обитал племянник, Симон Бердник. Катя дума-

ла, это он явился, чтобы помириться — они вчера повздорили, пока не услышала отклик. За дверью стоял давний друг семьи Бердник, Константин Борисов.

— Будь добр, подожди меня в гостиной, я выйду через пять минут.

— Хорошо.

— И попроси Лидию приготовить нам чай.

— Я уже распорядился.

— Ишь ты, распорядился он, — буркнула Катя себе под нос. — Хозяйничает уже как у себя дома...

Она употребила слово «уже» не просто так. С недавних пор Константин сменил свой статус, став не просто другом семьи, но и женихом Екатерины. Свести их долгие годы пытался отец невесты Александр. Он считал, что нет более достойного кандидата на роль мужа, чем его лучший ученик.

Александр Глебович Бердник был доктором наук, профессором. Живя в Америке, он читал лекции в знаменитом Массачусетском технологическом институте, а вернувшись в Россию, в Московском политехническом. Там он и познакомился с Константином. Юноша подавал большие надежды, и Александр Глебович взял его под свое крыло. Борисову тогда было двадцать восемь. Катерине на пять лет меньше. Оба на тот момент были свободны, но друг в друге не заинтересованы: она зализывала раны после краха своей первой любви, он увлекался лишь наукой. Однако дружить молодым людям ничто не мешало, и они иногда вместе ходили в кино и театр. Как-то выбрали на лыжную турбазу, но неспортивный Борисов на первом же, детском, спуске свалился, подвернул ногу и сломал палку. Катя хохотала, а он дулся на нее из-за этого, поэтому, когда в следующий раз Катя позвала его покататься на лошадях, отказался. Костя своей неуклюжести стыдился и остро реагировал на насмешки. Это Кате в нем не нравилось. Самоиронию она считала одной из самых привлекательных мужских черт. Разбивший Кати-

но сердце Димасик довел искусство насмешки над самим собой практически до совершенства, сделав своей фишкой. Он постоянно попадал в неловкие ситуации, причем прилюдно, но выходил из них с блеском. Вышучивал сам себя, и остальные, когда он неуклюже ронял в суп толстые очки, а потом никак не мог их выловить, или налетал на столб, угодив лицом аккурат в объявление о предоставлении сексуальных услуг, смеялись не *над ним*, а *вместе с ним*. У Димасика было зрение минус девять. И большие красные уши. Над этой своей особенностью он тоже шутил — говорил, что уши уравнивают тяжесть гигантских очков, которой иначе не выдержал бы нос.

Катя познакомилась с Димасиком на катке рядом с домом. Каток был бесплатным (энтузиасты заливали футбольное поле), поэтому его оккупировали дворовые мальчишки-хоккеисты. Они гоняли по льду как бешеные, сметая всех и вся на своем пути. Димася был не первой жертвой юных спортсменов, но единственным, кто не смог потом добраться до бортика. С него слетели очки, и он почти ослеп. Катя вызвалась помочь бедолаге.

— В следующий раз привяжу к ушам резиночками, — засмеялся Димася, опершись на руку девушки. — Как ва-режки...

— У вас запасные очки есть?

— Дома.

Она проводила его. Оказалось, живут по соседству. Когда Димася надел очки, то пораженно воскликнул:

— Какая ты красавица! Я и не думал, что меня опекает такая девушка...

Катя засмушалась. Красавицей ее еще не называли. Разве что отец, души в ней не чающий. Вообще-то она была скорее милой. Мягкие светло-голубые глаза, открытая улыбка, вздернутые бровки — все это красило ее. Но портили нос картошкой, выпуклый лоб, широкая челюсть. Одну из своих отрицательных черт она умело маскиро-

вала прической, однако все равно две оставались. Темно-каштановые кудряшки могли закрыть лоб, но никак не нос и тем более подбородок. И все же Катя не была лишена привлекательности. И фигурой удалась: невысокая, пропорционально сложенная, плотненькая, она не страдала ни излишней худобой, ни полнотой.

— Теперь, как честный человек, я обязан на вас жениться! — выдал Димася, чем вызвал у девушки улыбку.

Не такого мужчину она представляла рядом с собой. Ее тянуло к крупным, чернявым, басовитым. Новый же знакомый был худ, рыжеват, чуть пискляв. Только глаза красивые. Сейчас, увеличенные толстыми стеклами очков, они казались по-рыбьи выпуклыми, но на катке все было иначе: изумрудно-зеленые, миндалевидные, опушенные темными ресницами, они притягивали.

Димасик напоил свою спасительницу чаем с бутербродами. Белый хлеб, масло, больше напоминающее маргарин, варенье из вишни... С косточками, которые приходилось аккуратно выплевывать. Но Катерине очень все понравилось. В их доме такого к чаю не подавали. В те времена они жили еще не роскошно, но уже обеспеченно. Отец запатентовал несколько своих изобретений, и денюжки на его счет капали регулярно. Да не рубли, а доллары. Поэтому дома они ели бутерброды с салями, трюфельной пастой, а если сладкие, то с диковинной тогда «Нутеллой». После чаепития Димасик (так называла его мама, накрывшая им стол, милейшая женщина) пошел провожать Катю до дома. Они о многом говорили. Оказалось, не только живут по соседству, но и учатся в одном университете. Только Дима заочно, потому что нужно работать. Трудился он на рыбокомбинате: сортировал сырье, или, как сам говорил, «крутил селедкам хвосты». Рассказывал об этом легко, с юмором, умалчивая о том, как тяжело таскать ящики, тазы, бочки с рыбой и бороться с тошнотой, когда попадается тухлятина.

Перед расставанием молодые люди обменялись номерами телефонов, тогда еще городских — мобильных не было. Димасик позвонил уже через пятнадцать минут, как только вернулся домой. Они проболтали полчаса. Кате очень понравился этот юморной очкарик, но она не влюбилась в него с первого взгляда. Чувство пришло позже — недели через две, и накрыло с головой, как шквалистая волна. И Катя знала, о чем говорит, поскольку в двенадцать лет случилось с ней такое... Бердники тогда отдыхали на Гавайях, она бродила по пляжу, собирая ракушки и выброшенных на берег морских звезд. Океан всегда неспокоен, но в тот день был особенно бурным. Катя не заметила, как зашла за огромный валун, что разрезал волны. Она стояла по колено в воде... всего лишь... но вдруг... Волна. Гигантская! Она сбила девочку с ног. Поднявшись, Катя побежала в сторону берега и почти достигла его, но тут набежала следующая. Валун разрезал ее на две, и бурлящая вода накрыла Катю. Ее засосало, закрутило, бросило на камни. Хорошо, что поблизости оказались сёрфингисты и вытащили Катерину. Она была в шоке. Икала и плакала. Бок был весь изодран. Нога в синяках. Но когда девочка немного пришла в себя, то ощутила восторг. Такое приключение...

Любовь к Димасе напомнила ей тот случай. Новое чувство, как океанская волна, подхватило, закрутило и понесло... Оглушило и ввергло в шок! Да, очкарик ей очень нравился, но как человек. Ее даже не смущало то, что он «крутит хвосты селедкам». Это же временно! Если б ее отец был снобом, она бы напряглась, но Александр Глебович сам, пока учился, дворником подрабатывал и никогда не скрывал данного эпизода своей биографии. Дело было во внешности Димаси. Ладно бы просто невзрачный, но нет, он был откровенно непривлекательным. Без очков еще ничего, но вот в очках... Не таким Катя себе представляла парня, который станет ее первой взрослой любо-

вью. До этого она увлекалась только красавчиками, и вот угораздило ее... Худой, ушастый, полуслепой паренек, от которого пованивает рыбой.

И все равно он казался Кате самым лучшим! Как и она ему. Но если Катя была сдержанна в проявлении эмоций, то Димасик своих чувств не скрывал. Восхищался неустанно ее красотой, осыпал поцелуями, дарил всякие милые мелочи. Поскольку цветы в то время зимой если и продавались, то за космические деньги, он преподносил ей комнатные. А как-то вручил «букет» из мороженой скумбрии, перевязанный лентой ламинарии, то есть морской капусты. Это было самое счастливое время в жизни Кати. И длилось счастье два года. В масштабе их отношений — долго, а если брать весь пройденный жизненный путь, то мелочь.

Когда Димася окончил университет, Катин папа помог ему с трудоустройством. Пристроил на должность малооплачиваемую, но в хорошую организацию и с перспективой карьерного роста. Если показать себя, быстро продвинешься. Александру Глебовичу парень нравился. Он всегда боялся, что дочь всерьез влюбится в красивого и пустоголового кривляку — ее тянуло именно к таким. А тут серьезный парень — умница и трудяга. И видно, что от Катюши без ума. Дочь расцвела рядом с ним. Глаза горят так, что все личико освещается и становится не просто милым, а по-настоящему красивым. Единственное, что смущало Александра Глебовича, — Димины проблемы со зрением. Если молодые поженятся и у них появятся дети, они с большой степенью вероятности унаследуют близорукость отца. Ведь не только Катин жених был очкариком, но и его мать. У обоих сложный астигматизм, а бабка вообще ослепла в юности. У Бердников в роду «кротов» не было. Зато имелись астматики. А у самого Александра Глебовича было такое сильное искривление позвоночника, что он припадал на одну ногу. Бердник бы-

вал мнительным и в периоды слабости представлял себе слепых и хромых внуков. И тогда думал, что его дочь вовсе не легкомысленна, а подсознательно тянется к красивым и здоровым самцам, дабы улучшить генофонд семьи.

Вся надежда была на современную медицину, и только это успокаивало Александра Глебовича. Катин отец недавно перенес операцию на позвоночнике — удачную, и впервые за долгие годы чувствовал себя здоровым и сильным. Он продолжал ходить с тростью, но скорее по привычке. Да еще из пижонства. Что же касается зрения, то его коррекцией занимались многие офтальмологи. Бердника заинтересовала новая, лазерная, технология. Он почитал о ней в медицинских журналах и решил, что Диме просто необходимо «починить» глаза. Без своих очков со стеклами толщиной в палец он будет выглядеть значительно лучше да своей неловкостью перестанет позорить Катю на людях.

Александр Глебович предложил будущему зятю лечь под лазер. Тот отказался.

— Боишься, что ослепнешь?

— Нет. Я рискну, но попозже.

— Когда методика пройдет проверку временем?

— Когда накоплю денег на операцию. Я узнавал, она очень дорогая. Тысяча двести долларов. — По тем временам действительно большие деньги. За восемь тысяч можно было на окраине квартиру купить.

— Я оплачу тебе коррекцию, сынок.

— Премного благодарен, но вынужден отказаться. Я привык сам себя обеспечивать, и если пока не имею финансовой возможности исправить зрение, значит, буду оставаться полуслепым.

— Не глупи. Для меня тысяча двести — это не сумма.

— А для меня — да. Я двести в месяц получаю. Если по пятьдесят буду откладывать, за два года скоплю. К тому же я надеюсь на повышение и прибавку.

— Хорошо, тогда я одолжу тебе эти деньги. Будешь отдавать по пятьдесят долларов в месяц. Согласен?

И Димасик дал положительный ответ.

Прооперировали его через две недели. Из-за сложного астигматизма сделать зрение идеальным не представлялось возможным. Однако результат впечатлил: один глаз — минус два, второй — ноль пять. Можно носить обычные очки, пользоваться линзами. Но Дима обошелся без всего этого. Машину он не водил, с мелкими предметами не работал, поэтому легкая размытость предметов не мешала ему нормально функционировать.

Однако некоторые последствия проведенной операции предвидеть не мог никто. Сначала Катин возлюбленный стал придирчив к себе. Без очков в массивной оправе и с толстыми стеклами он себя еще не видел. Снимая их, обнаруживал только очертания лица и фигуры, поэтому не представлял, что выглядит так ужасно. Бледный, подглазья синие... А эти уши! Теперь они, такие огромные, были ему без надобности. Димася отпустил волосы, чтобы скрыть под ними свои «лопухи». Стал загорать, а не прятаться под панамой. Начал много гулять, а на выходных уезжал из города, даже когда Катя не могла к нему присоединиться. Свежий воздух благотворно на него влиял, как и длительные прогулки и пробежки, а с некоторых пор покатушки. Димася починил старый отцовский велик и гонял на нем, не боясь, как раньше, улететь в яму или подпрыгнуть на кочке, которую не заметил. Он окреп, болезненная худоба сменилась плотностью новообретенных мышц. Рыжеватые волосы выгорели и стали золотистыми. Лицо приобрело приятный персиковый оттенок. Димася здорово похорошел и стал нравиться девушкам не только из-за характера. На него начали обращать внимание. С ним заигрывали незнакомки. А коллеги женского пола откровенно флиртовали. Теперь, чтобы обратить на себя внимание, Диме не нужно было притворяться клоуном.

Через восемь месяцев после операции его повысили. Зарплату увеличили вдвое, но вместе того, чтобы отдавать Александру Глебовичу больше, чем полтинник, Димася начал покупать себе хорошую одежду. Классик говорил, в человеке все должно быть прекрасно, в том числе и гардероб...

Катя в это время была погружена в работу над дипломом. Она дочь академика Бердника и не может уронить честь семьи посредственным трудом. К тому же отец часто летал в Америку, где его изобретения находили все больше применений, и она через раз его сопровождала, помогая с планированием и организацией встреч. А еще в США Катя покупала дешевую, но качественную косметику и продавала ее в России, чтобы иметь карманные деньги. Не бог весть какой бизнес, но Кате нравилось, что на колготки, красивое нижнее белье и сумочки она зарабатывает сама.

Совместное будущее они с Димой обсудили еще на заре отношений. Решили, что объявят о помолвке сразу после того, как Катя защитит диплом. Потом, уже в статусе жениха и невесты, съездят в романтическое путешествие, а через год, глядишь, и поженятся.

Но заветного кольца Катя пока не получила. Объяснение казалось убедительным — на достойное нет денег, а побрякушку дарить — значит проявить неуважение к любимой. Но Катя помнила «букет» из скумбрии и думала, что прежний Димася надел бы ей на палец бублик или перстень из фольги, и оба были бы счастливы. Однако в путешествие молодые люди все же отправились. Спасибо за это папе — он купил путевки в Турцию. Тогда таким отдыхом еще можно было удивить. Не Катю, конечно, которая не раз бывала и за океаном — в Америке, да и во многих других странах тоже, а простых россиян — в те годы мало кто ездил дальше Крыма. А Димася моря вообще никогда не видел, даже Черного.

Они отправились в Белек, в шикарный отель, где отдыхали и русские, и поляки, и немцы, и французы. В основ-